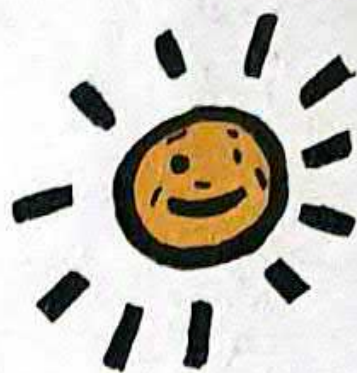

Бруно Сауллит

ПОПАЛСЯ
на УДОЧКУ

БРУНО САУЛИТ

ПОПАЛСЯ на УДОЧКУ

РЫБОЛОВНЫЕ
РАССКАЗЫ

ЛАТВИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
РИГА 1960

ПОПАЛСЯ НА УДОЧКУ!

1

В субботу мы с мальчишками из соседнего дома играли у нас во дворе в футбол. Двое наших нападающих еще не вернулись из пионерлагеря, вратарь как раз позавчера уехал с отцом в Москву. Наверно поэтому нам, чемпионам улицы Маляров, пришлось выдерживать такой бешеный натиск противника, а длинный Густ провел в ворота, которые защищал мой друг Пич, уже два гола.

Но вот Пич выбил мяч на меня, и я рванулся вперед. Защитник побежал наперерез, я — мимо. До ворот еще шагов пять-шесть. Вратарь хотел броситься мне под ноги, да споткнулся.

— Сажай! — кричат за спиной наши.

Авторизованный перевод с латышского
ВЛ. НЕВСКОГО

Удар!.. Мяч взлетает свечкой и падает прямо в окошко дворницкой.

Я зажмурил глаза. Сейчас со звоном посыплются стекла...

Но нет — стекла не сыплются: к счастью, мяч угодил в оконный переплет и отскочил обратно.

— Свободный удар от ворот! — злорадно усмехнулся соседский вратарь и собирался уже отыграть мяч в поле.

Но тут на середину вышел Пич:

— Ребята, придется прервать игру.

— Как это прервать? — удивился длинный Густ. — Зачем это нам нужно, если счет два-ноль в нашу пользу! И вообще футбольные матчи нельзя прерывать на середине. Нет такого правила!

— Есть! — вмешался я.

— Нет!

— А вот есть! Например, если гроза.

— Это дело другое! — Густ яростно взмахнул рукой. — А где же тут гроза?

— Гроза сейчас будет: вон наш дворник идет...

— И верно!

Густ негромко свистнул, и вся его команда быстренько испарилась с нашего двора. Им хорошо — выкатились за ворота, и с них взятки гладки, а нам-то куда деваться? Найдет все равно, как ни прячься.

Дворник был очень сердит.

— Эва, еще чего вздумали, рамы вышибать? — вскричал он, грозно потрясая пальцем. — Это который из вас залепил мне в окно? Старуха чернику варит, ладно еще банки ей не перекокали! Делать вам летом нечего, вот и хулиганничаете!

Пич, стоявший рядом со мной, вздохнул. Оправдываться тут бесполезно. Дворники же никогда не понимают нас, мальчишек. Знают только свои дворы да стекла, а сердца у них нет...

— Чтобы я больше не видел этого мяча!

Грозный палец напоследок опять оттопырился кверху; и

дворник побрел домой. У двери он обернулся, вытащил из кармана какой-то листок и громко, торжественно провозгласил:

— Яну Вериню и Петеру Удрису письмо!

Мы переглянулись с Пичем (это он и есть Петер Удрис). Письмо, нам? От кого бы?

— Давай получай, о чем замечтались! — Дворнику надоело ждать. — Страуме вам оставил, из пятой квартиры.

— А-а, — протянул Пич и взял письмо — простой листок, вырванный из блокнота. На нем — несколько карандашных строчек.

Анатолий Страуме — композитор. Он живет над нами, и по вечерам сверху доносятся

звуки рояля, а иногда пение. Моя мама считает, что у Страуме нет голоса, но, по-моему, это не беда: у кого есть голос, тот выступает в опере, а у кого нет — сочиняет музыку; тут нечему удивляться.

— И что этот Страуме мог нам написать? — гадал я.

Сдвинув головы, мы с Пичем прочли:

«Ян и Петер!

Вы так увлеклись игрой, что я не хотел вам мешать. Поэтому оставляю записку. Собираюсь завтра с утра на рыбную ловлю, а сегодня в Консерватории заседание, и некогда раздобыть насадку. Будьте так добры, накупайте мне червей на леща. В следующий раз возьму вас на озеро.

А. Страуме».

— Вот здорово! — воскликнул Пич.

— А что! — Я постарался принять эту новость более сдержанно, как старший — все-таки между нами почти два месяца разницы. — Попросим у дворника лопату да и накопаем, вон, за дровяным сараем; там их видимо-невидимо!

— Правильно!

Пич сразу засуетился. Разыскали жестянку из-под консервов. Дворник, на удивление, быстро разрешил нам взять лопату.

— Я буду копать, а ты собирай! — скомандовал я, и работа закипела.

Черви за сарайчиком были действительно первоклассные — попадались с ладонь длиной.

— Ух, и лещей композитор наловит!.. — торжествовали мы, ожидая его возвращения. Но когда ждешь кого-нибудь, время как назло еле-еле тянется. Лишь около десяти часов на лестнице послышалось знакомое насвистывание. Приличия ради, мы обождали еще минутку, потом поднялись в пятый номер.

— Ну, как? Черви есть? — первым долгом спросил композитор и пригласил нас зайти.

— Пожалуйста! — Пич протянул ему жестянку. Признаться, в это мгновение мы очень гордились своей добычей.

— О-о! — Страуме присел на табурет у рояля, взял карандаш и поворошил в жестянке. — Земляные? — вдруг встрепенулся он.

— Да еще какие здоровые! — радостно отозвался я, ожидая от композитора бурных похвал. Но он поставил жестянку на пол и опустил руки.

— Земляные... Я же вам ясно написал, что мне нужны черви на леща! Разве на Валгуме хоть один захудалый лещик клюнет на такую... на такую веревку!

— Мы... мы ведь не знали, что на Балгуме... —

Пич выкручивался, как мог. — В записке не было сказано...

Композитора не утешили эти оправдания.

— Пропала утренняя ловля, — вздохнул он и пробежал пальцами по клавиатуре рояля: ля, ля, лям... Уж не знаю, как это он ухитрился играть, даже не глядя на клавиши, — только мелодия получилась у него печальная-препечальная.

— Да, утренняя ловля пропала! — повторил композитор. Потом выпрямился и произнес бодро: — Придется ехать на Валгум завтра под вечер. Кстати, под вечер и клев лучше. Эх, ребята, ребята! — Он покачал головой. — Не знают, каких червей нужно! Придется захватить вас как-нибудь на озеро.

— Нас? — вытаращил глаза Пич. — Завтра?

— Можно и завтра! Червей уж я сам накопаю. В глубине парка, под прошлогодней листвой — вот они где скрываются! Маленькие, красненькие, с желтыми колечками. Лещ их так и хватает!

Композитор опять пробежал пальцами по клавишам, и мелодия на сей раз прозвучала куда веселее.

— Зачем же вам самому! — Я еще надеялся спасти нашу репутацию. — Мы с Пичем наберем этих червячков в два счета.

Страуме усмехнулся:

— Ладно уж, ладно. Черви будут. Вы только сами снарядитесь как следует. Удочки, надо полагать, у вас найдутся?

— Н... нет у нас удочек, — сознался я.

Композитор даже свистнул.

— Что за безобразие! Мальчишки, и без удочек! Ну что с вами делать?.. Ладно, тут кое-что найдется. — Он кивнул на стоявшую в углу связку бамбуковых удилиц. — Поводками только запаситесь. Вот такими.

Страуме достал из ящика письменного стола целый комоч тоненьких ниточек, отпутал одну и показал нам. К ней был привязан маленький золотистый крючок, а сантиметрах в десяти от него — дробинка.

— Если лещ оборвет поводок, чтобы сразу, без канители, привязать новый. Ясно?

— Ясно! — ответили мы дружно.

— Значит, договорились. — Композитор пожал нам руки. — В половине второго у ворот будет ждать моя «Победа».

2

Наверно, еще никогда мы не вставали так рано, как в то воскресенье.

География у нас с Пичем такая: живем мы в одной квартире, Удрисы занимают три комнаты,

мы — две. У них есть телефон, зато у нас телевизор. Звонить мы ходим к ним, а когда Пичу охота посмотреть передачу со стадиона, он сидит у нас. Вообще-то чаще всего мы бываем вместе — где он, там и я, где я, там и он. У них или у нас, безразлично.

В то утро часов до семи мы сначала страдали поодиночке, а потом нечаянно встретились в коридоре.

— Есть у тебя золотые крючки? — спросил я.

— А у тебя?

Выяснилось, что крючков у нас нет. Нашлись лишь какие-то старинные лески, оставшиеся еще с тех времен, когда мой отец был маленьким.

— Крючки придется купить, — решил я. — На улице Стучки есть рыболовный магазин: чего там только нет!

— Да ведь магазины-то открываются в одиннадцать! — Пич огорченно развел руками.

Время в то утро вовсе не двигалось вперед. Невозможно даже сосчитать, сколько раз я глядел на часы.

Около девяти наше семейство уселось завтракать. Отец сказал, облупливая яичко:

— Ну, Янцис, давай собирайся. Мы с Удрисами решили махнуть сегодня в Сигулду. Поезд через час, надо поторапливаться.

В Сигулду!..

В другой день я бы обрадовался, но сегодня эта новость меня просто ошарашила.

— Понимаешь, папа, — начал я смущенно. — Мы с Пичем наверно не сможем. Мы обещали композитору Страуме поехать с ним на Валгум ловить лещей.

— Гм, — крикнул отец. — А разрешение у родителей спрашивали?

— Мы собирались спросить после завтрака.

— Нечего им! Пускай с нами едут, — строго сказала мать. — Тоже еще, рыболовы. Потонут там в озере...

Отец посмотрел на меня и задумался.

— Коли обещано, надо выполнять, тут ничего не поделаешь. Погуляем в Сигулде без них.

На том и порешили; мы с Пичем охотно проводили родителей до вокзала.

— В воду только не лезьте, — предупредила еще раз моя мать. — Долго ли до беды!

Поезд отошел в десять пятнадцать, и мы остались одни на перроне.

— Теперь айда на улицу Стучки! — сказал Пич. — Как раз поспеем.

Магазин был еще закрыт. У дверей толпилось человек тридцать, с виду все заядлые рыболовы. Ровно в одиннадцать начался штурм. Пичу посча-

стливилось попасть примерно в середину очереди, а меня оттерли в самый хвост. То и дело раздавались взволнованные возгласы:

— Три окуневых блесны и сачок!

— Полдюжины тройников!

— Что, карабины есть?

— Чего толкаешься-то?!

Я пробился к Пичу.

— Мне возьми покрупней, — сказал я, вручая ему пятерку.

Наконец подошла наша очередь.

— Нам шесть золотых крючков и шнур потолще, — сказал продавщице Пич, крепко держась за прилавок, чтобы не отпихнули взрослые. На наше счастье, и то и другое имелось в продаже.

Вскоре мы сидели в нашей комнате; включили радио, чтоб было повеселее, и принялись за работу.

— Я буду надевать грузила, ты привязывай крючки, — распорядился я.

Но с крючками у Пича не ладилось. Он уж вязал и восьмерки, и разные другие узлы, а крючок все равно соскакивал со скользкого поводка.

— Это просто позор, — вздохнул я. — Какие же мы пионеры и вообще парни, если не умеем даже завязать морской узел! Да, по части рыбной ловли мы с тобой — отсталые люди.

— Это точно, — уныло согласился Пич. — Даже не знаем, каких червей берут на леща, и приносим композитору простых земляных!

— Освоить рыболовное дело, и как можно быстрее! — внес я предложение.

— Правильно!

Мы снова взялись за работу. Было без четверти час, скоро подкатит машина...

— Ладно, вяжи восьмеркой, — распорядился я. — Только затягивай крепче.

— Придется уж, — Пич взял поводок в зубы и туго затянул узел.

— Есть! — радостно воскликнули мы: узелок больше не скользил, крючок не соскакивал.

Дальнейшие события развернулись с ужасающей быстротой. Пич закусил зубами следующую нитку, потянул, завопил не своим голосом и кинулся к зеркалу.

Вот несчастье! Поводок лопнул, и большой крючок с силой вонзился ему в губу.

3

Мой папка всегда говорит, что в трудную минуту необходимо сохранять спокойствие и хорошенько обдумать положение.

Пич был белый как полотно, да и у меня душа ушла в пятки.

— Нельзя ли его вытащить? — пробормотал Пич. Язык у него еле ворочался.

— Что ты! — отчаянно замахал я руками. — Придется вызвать врача.

Мы кинулись к телефону, и я позвонил в скорую помощь:

— Приезжайте немедленно, с моим другом большое несчастье!..

— Какое несчастье?

— Он... он попался на удочку! Вы не сможете вынуть крючок?

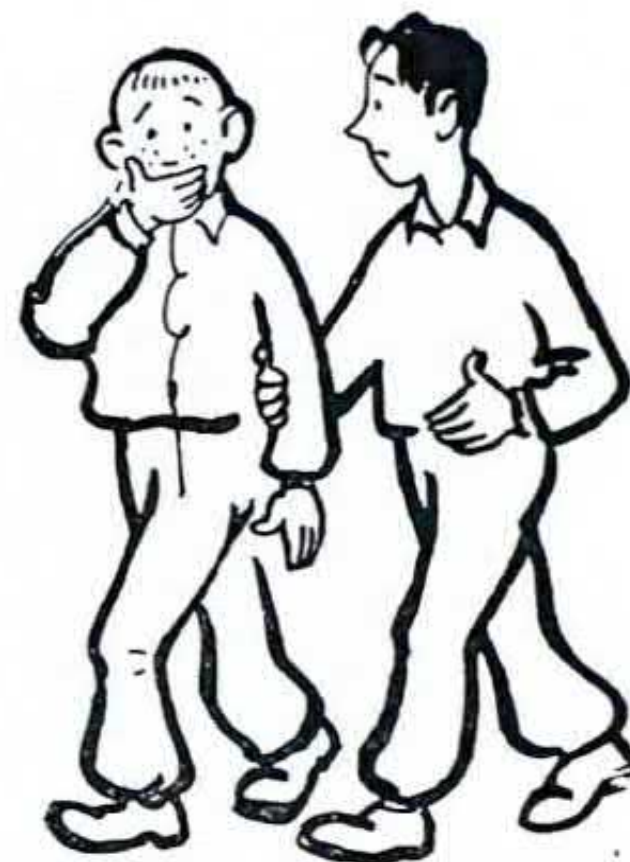
В ответ на это мне предложили отвести больного в поликлинику.

— Скажи им, что я проглотил гвоздь, небось сразу приедут! — шепелявил мне в ухо Пич, но я уже положил трубку.

— Пич, — робко посмотрел я на друга, — что, очень больно?

— Да нет, стерпеть можно, — прошептал он и сел. Поводок свешивался ему на грудь.

— Надо идти в поликлинику, там вырежут, — решил я. Пич томно кивнул головой.

Не стану отрицать, печальный это был путь. Я вел своего друга под руку; в книгах пишут, что именно так полагается водить раненых.

— Больно? — время от времени спрашивал я сочувственно. Несчастный рыболов, прикрывая губу ладонью, лепетал что-то нечленораздельное.

В поликлинике нас приняли очень любезно: что болит, где проживаете и так далее. Объяснять было нечего — человек попался на удочку! Так я и сказал, и Пича повели к двери с надписью «Травматологический кабинет». Он вошел, а я остался в коридоре.

— Что с ним будут делать? — не выдержав, обратился я к человеку в белом халате, вышедшему из таинственного кабинета.

— С рыболовом-то с этим? — усмехнулся он. — Ничего особенного. Положат на стол да и вынут крючок.

— И Пич выдержит операцию? — спросил я с тревогой.

— Мальчишки от этого не умирают! — Санитар хлопнул меня по плечу. — Выйдет через полчаса.

Через полчаса... Я вздохнул. На стенных часах было без нескольких минут половина второго. К счастью, тут же в коридоре висел телефон-

автомат. Отыскав пятиалтынный, я позвонил композитору.

— Товарищ Страуме! — сказал я. — Говорит Янцис Веринь. Вы нас уж, пожалуйста, извините, но на Валгум мы с Пичем, то есть с Петером Удрисом, поехать не сможем.

— Что же с вами стряслось? — удивился композитор.

— У меня... то есть, у Пича... в губу... то есть, к нему приехала бабушка, и нам пришлось пойти в поликли... то есть, на вокзал.

— Ах, вот как? — усмехнулся Страуме. — Ну что ж, валяйте, встречайте свою бабушку, а я поехал, чтобы не прозевать вечерний клев.

Разговор закончился. У меня за спиной стоял Пич с завязанным ртом.

— Ты уже здоров? — воскликнул я.

Он кивнул, потом заговорил — будто откуда-то издалека, незнакомым, невнятным голосом:

— Только эту повязку нельзя снимать раньше чем через два часа. Хорошо еще, что мои в Сигулде...

Так закончилось наше первое рыболовное приключение. Правда, композитор на этом не успокоился. На следующее утро он позвонил Удрисам по телефону и пригласил нас с Пичем к завтраку,

на лещей. Губа у моего друга была снова в полном порядке, к счастью никто ничего и не заметил.

— На лещей, так на лещей, — решили мы и поднялись в пятый номер.

Улов у Страуме и впрямь был завидный. В квартире пахло жареной рыбой, композитор сиял.

— Ну, а как поживает бабушка? — спросил он между прочим, когда мы уже сели за стол. — Поправилась?

— Ага! — Я подтолкнул Пича под столом и добавил: — Жива-здорова. Что ей оделается!

И мы принялись уписывать рыбу. Лещи были, как лещи: костлявые, но вкусные.

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

1

В прежние времена умные люди на выдумывали много разных поговорок. Некоторые из них мы теперь учим в школе, другие для красного словца вставляют в разговор.

— Замахнулся, так бей! — приговаривал, бывало, отец Пича, когда они с моим папкой вечерами играли в шахматы. Мы с Пичем переделали эту пословицу на свой лад: «Привязал крючок, так забрасывай удочку в воду!»

Привязывать крючки мы с горем пополам научились, а вот забросить удочку все не удавалось. Лето незаметно прошло, давно начались занятия, — как теперь выбраться на рыбалку?

— Потолковать бы с нашим композитором, — предложил я однажды.

Пич посмотрел на меня уныло:

— Со Страуме? Как же, нужны мы ему! С такими огарками ни один порядочный рыболов не захочет связываться.

Что делать? Рыболовная страсть в наших сердцах разгоралась все жарче и жарче.

— Слушай, Янцис! А деньги у тебя есть? — спросил мой приятель.

— Три пятьдесят.

— Ну и у меня два рубля, да еще в кителе мелочь. Что если нам купить учебник по рыбной ловле и основательно его проработать? Вот станем специалистами, тогда и со Страуме потолковать можно!

Сказано — сделано. На другой день, после уроков, мы побежали на Ключевую улицу в книжный магазин.

— Не найдется ли у вас чего-нибудь насчет рыбной ловли и рыб? — спросил продавщицу Пич.

— Кое-что найдется.

Я не раздумывал.

— Хорошо, мы берем. Сколько стоит?

— Пять сорок.

Нашу наличность мы объединили еще с вечера, чтоб не возиться с расчетами в магазине. К счастью, денег хватило, даже осталось еще по двугривенному на брата.

Весь вечер мы просидели дома. Ребята долго свистели под окнами, вызывая нас во двор, в полпятого даже позвонили по телефону, чтобы мы шли играть в футбол на двое ворот. Но на сей раз мы остались равнодушны к спортивной чести улицы Маляров. Ответили, что нам некогда, и, сделав уроки, сразу же взялись за новую книжку.

Обложка одна чего стоила! Мужчина с удочкой, по колено в зеленой воде, натужившись, вытаскивал огромную рыбину. Удилище изогнулось кренделем. Вот это да!

— Нам бы когда-нибудь так!.. — мечтательно произнес Пич, ткнув пальцем в показавшуюся из воды рыбью голову.

— А чего там! — отозвался я. — Вот погоди, прочтем, что и как... Дай-ка мне теперь поглядеть!

— Надо устроить коллективную читку, — предложил мой друг.

— Правильно! Давай начинай.

Он читал, а я сидел рядом и следил, чтобы Пич не пропустил чего-нибудь важного.

Уже из вступления мы узнали, что рыболову необходимо обладать мужеством, силой, выдержкой, смекалкой и ловкостью. Странно, почему же такую замечательную науку не преподают в школе? Хотя бы взамен физкультуры. Посадили бы, скажем, весь шестой класс в поезд, и айда на

озеро. Учитель бы показал, что делать, а потом проверил бы, кто сколько наловил, и к вечеру выставил отметки.

Пич не согласился со мной. Почему именно взамен физкультуры? Уж лучше пожертвовать пеннием или, предположим, математикой. В конце концов мы решили, что рыболовное дело в школе преподавать нельзя. Ведь если обучить этому каждого парня, скоро вся рыба на белом свете будет выловлена, — что же останется на долю таких заправских удильщиков, как композитор Страуме или мы?

Стали читать дальше. Каких только ценных сведений не нашли мы в книге! Как красить удище, как смолить лесу, как подпиливать крючки... Одних поплавков было нарисовано штук пятнадцать и все разного сорта: у тех леса вдевается сверху, у других — снизу, у третьих — посередке.

Главу о ловле спиннингом мы пропустили, зато внимательно изучили все сказанное о самой рыбе: какую насадку она любит и какую не любит, где обитает, как плавает, далеко ли видит вперед и в стороны, у какой породы сколько плавников и какого цвета глаза...

Когда мы дошли до налима, мать Пича заявила, что пора и честь знать. Завтра тоже день, а сейчас время спать.

Спать... Что это был за сон! Только закрыл глаза, и сразу перед тобой — большое озеро, красные и белые поплавки из гусиного пера так и прыгают по волнам, бубенчик на донке звонит, как трамвай третий номер до запрещения звуковых сигналов, а учитель русского языка, откуда ни возьмись, вдруг подходит и грозно спрашивает: «А ну-ка скажи мне, Веринь, какими крючками ловятся язь и вимба?..»

Наутро обнаружилось, что и Пич недалеко от меня ушел: ему всю ночь снилась какая-то ахинея про мотовильца и про нерест голавля.

В школе в тот день мы держались молодцами. На уроке русского я без запинки отбарабанил стих Маршака про лодырей, а на математике Пич, не моргнув глазом, почти совсем правильно решил у доски задачу о двух путешественниках, которые в одно и то же время, но с разной скоростью, вышли из городов А и Б и где-то должны встретиться.

Вечер мы опять провели за изучением рыболовного искусства. Один читал, другой следил, выглядывая из-за плеча, — пока не перевернулась последняя страница.

— Да-а! — задумчиво сказал Пич, откинувшись на спинку дивана. — Теперь все в наших руках. Ступай прямо на реку и вытаскивай рыбу.

Окуней — на червя и малька, плотву — на кузнечика и на булку, а форель, хариуса и сига — на муху или на гусеницу... Верно?

— Пич, а Пич, — сказал я. — Не сбегать ли нам теперь к композитору? Пусть возьмет нас на рыбалку!

— Да, теперь-то, пожалуй, можно. Мы теперь не такие темные, как раньше!

И мой приятель лихо прихлопнул ладонью по обложке чудесной книги, где стоявший по колено в зеленой воде рыболов одним глазом взирал на свою изогнутую кренделем удочку, а другим, кажется, ободряюще подмигивал нам.

2

До чего любят люди тешиться разными несбыточными надеждами! Как в классе, бывало: пишешь диктант и воображаешь — ну, будет пятерка; а получишь обратно тетрадь — и заглядывать-то в нее неохота: еле-еле на троечку вытянул...

Точно так же рухнули наши надежды поехать на озеро Валгум. Композитор Страуме встретил нас очень приветливо, усадил на тахту, но так и не дал рта раскрыть. Едва мы заикнулись о рыб-

ной ловле, он засвистал какую-то мелодию и бухнулся на круглую табуретку возле рояля. Крышка огромного инструмента была уже поднята, на пюпитре стояли ноты.

— Рыбная ловля — чудесная вещь! — воскликнул композитор. Потом склонился над клавишами и заиграл. — Вы знаете, что это такое?

— Концерт для рояля, наверно... — неуверенно промолвил я. В памяти мелькали еще какие-то вычитанные из газет мудреные музыкальные названия.

— Хе! — Композитор снял руку с клавишей и запустил ее в свою шевелюру. — Это оперетта! Увертюра, понятно?

Мы с Пичем молча кивнули в знак того, что нам это понятно. Мы не спорим — может, и увертюра.

— Оперетта! — Он опять дотронулся до клавишей. — Гениальная идея! Нет, наши поэты все-таки стоят чего-то! Один молодой человек принес мне целый ворох бумаги и заявил, что это либретто. Хе, либретто! Лапша, а не либретто. Но там есть идея! Вот послушайте-ка...

И он опять заиграл. Мы с Пичем сидели, будто на горячих углях: а ну, как заставит слушать до полуночи?

— Ну, что? — спросил Страуме, наигравшись.

— Мы, это.., насчет Валгума, — молвил Пич немного смущенно.

— Насчет Валгума? — Композитор нахмурил брови. — Ну, ясно, что насчет Валгума, а то как же! Это же всем озерам озеро, другого такого не найдешь! На берегах Валгума горят Яновы костры, парни с девушками поют и пляшут, некоторые бродят по зарослям ольхи, разыскивая цветок папоротника. Чем не оперетта? А на другое утро главный герой поет ариозо и садится с удочкой ловить лещей. Настоящие, живые лещи на сцене, в каждом верных полтора килограмма, — разве это не сделает полный сбор? Да чтоб мне на будущее лето рыбьего хвоста не увидеть, если очередь за билетами в Музкомедию не дотянется до Матвеевского рынка! В Риге, самое меньшее, тысяч пятнадцать рыболовов — все пойдут! Конечно, с друзьями, с женами и детьми. Прикиньте-ка, сколько наберется народу!

Мы с Пичем подтвердили, что наберется порядочно, и снова попытались объяснить композитору, что нас-то интересуют лещи не на сцене, а в воде, на настоящем Валгуме.

— Ах, с удочкой? — Композитор наконец уразумел, в чем дело. — Нет, с удочкой в этом году все покончено. Теперь надо работать!

И в подтверждение этих слов он, прищурив глаза, стал рыться в каких-то нотах.

Убитые, спускались мы по лестнице. Видно, тут ничего не выгорит, надо изобрести что-нибудь новое.

Октябрь, как назло, выдался удивительно мягкий. Если верить нашей книге, в такую погоду бывает самый замечательный клев.

— Нет, так нет. Возьмем и поедем сами! — Вот до чего однажды вечером додумался Пич. — С родителями как-нибудь уж поладим.

— Правильно! — подтвердил я. Оставалось выработать стратегический план и в первую голову решить, на какое озеро или реку отправиться.

На другой день мы стали обиняком расспрашивать у ребят: где, по их мнению, сейчас всего лучше клюет окунь? Выяснилось, что о рыбе и рыбной ловле у мальчишек из нашего класса представление самое туманное. Одни просто отмахивались, другие несли какую-то околесицу о Даугаве, Гауе и Лиелупе, но где и как ловят рыбу, не знал никто. Словом, полнейшая необразованность!

— Надо отыскать настоящего рыболова! — родилась у меня мысль. — Давай в воскресенье утром сходим на станцию Ошкарны. Как увидим

у кого на плече удочку, сейчас же спросим, куда он едет.

Мысль была недурна, только до воскресенья слишком далеко. Чего доброго, упустишь такую благоприятную погоду...

К счастью, Пич от кого-то узнал, что еще лет пять назад великим рыболовом считался — кто бы вы думали? — наш дворник!

Мы как раз встретили его у ворот: он подмел тротуар и, попыхивая трубкой, относил совок с мусором на помойку.

— Извините, пожалуйста, — заговорил я, учтиво поклонившись. — Мы хотели с вами посоветоваться...

— ...по очень важному вопросу, — ринулся мне на выручку Пич. Он тоже поклонился: к дворнику надо относиться почтительно и благоразумно. На почве футбола у нас нередко происходили всевозможные недоразумения, и он не очень-то жаловал нашего брата — мальчишек.

Дворник остановился:

— Чего-то опять набедокурили! Не иначе, где-нибудь высадили окошко?

— Нет, нет! — воскликнул я. — Просто мы слышали, что вы знаменитый рыболов, и хотели посоветоваться, куда бы нам съездить на окуней.

— На окуней? Куда съездить? — Дворник

заморгал глазами. — В Лимбажи! Только в Лимбажи! Окунь там — эва какие!

Он положил совок и широко расставил руки.

— В Лимбажи нам далековато будет, — огорченно произнес Пич.

— А поближе нельзя куда-нибудь?

— Самые наилучшие места все в Лимбажах! — настаивал знаменитый рыболов. — Есть еще одна лужа аккурат маленько в стороне от Раганской дороги. После первой мировой войны там окуней было, что собак нерезаных. Ух, и клевали — особенно перед грозой!..

Но и Раганская дорога показалась нам с Пичем недостижимой. Когда мы сказали об этом, дворник совсем рассерчал.

— Эва! — Он с досадой нагнулся, поднял совок. — Коли так, сыпали бы на Юглу, там разные шарлатаны с удочками околачиваются.

На Юглу! Мы с Пичем даже рты разинули. Дворник, топоча сапогами, на всех парах завернул под арку.

На Юглу! Как же мы сами не сообразили? Ведь про Юглу и в книге написано — только сгоряча у нас это вылетело из головы.

Сесть на шестой трамвай и доехать до конца — что может быть проще! Не требуется ни сноровки, ни больших денег.

— На Юглу! — воскликнули мы в один голос и закрепили это решение крепким рукопожатием, как принято во всех важных случаях у настоящих парней с улицы Маляров, а также у всех отважных, ловких, настойчивых и знающих свое дело рыболовов.

3

Не знаю, стоит ли рассказывать о бесчисленных заботах и хлопотах, в которых прошел у нас с Пичем остаток недели до воскресенья. Пожалуй, не стоит. Какому рыболову не приходилось одолевать трудности, доставая необходимые принадлежности, заготавливая насадку? А улизнуть из дому! Родственники сначала пытаются тебе внушить, что ты промокнешь, простудишься, схватишь кашель и насморк, а если это не помогает, принимаются расписывать тебе твою страшную гибель в водной пучине. В общем, можно сказать одно: у кого не бьется в груди сердце рыболова, тот ни за что не вырвется из дома!

Мы с Пичем проявили истинно мужскую выдержку, добились у родителей разрешения и около девяти часов утра уже вылезали из трамвая на кольце шестого номера.

Остававшиеся до моста через Юглу несколько

сот метров мы пробежали бегом — впереди Пич с большим отцовским рюкзаком за спиной, следом я с удочками. Только жестянки с червяками позвякивали.

У моста столпилось много машин, пришлось остановиться. Глянули вниз, и дух захватило. Что за вода — ни на какой картине не увидишь! На озере легкая зыбь, а протока — гладкая, как зеркало. А цвет!

— Давай тут и спустимся! — предложил Пич, показывая на лодочную пристань. Однако я настоял на том, чтобы перейти через мост: ведь в книге написано, что самые добычливые места всегда находятся дальше от больших городов.

Возле свай несколько серьезных мужчин держали в руках удочки, другие сидели, покуривали, забросив донки. Собравшись с духом, мы вместились в толпу. Будь что будет: теоретически мы подкованы, чего же трусить!

Пока мы собирали удилица и привязывали поводки, соседи кое-как терпели. А когда мы начали наживлять крючки, по нашему адресу посыпались замечания:

— Молокососы!

— Червей плясать учат!

— Пхе!

— Влезут в серединку, шнуры запутают... Видали таких!

Мы с другом переглянулись и отошли подалее к озеру: неужели на свете не найдется места для двух честных рыболовов?

Пич забросил первый, действуя точно по книжке: леса в левой руке, удище в правой; боковой замах и — пликш! Бамбук только чуть-чуть коснулся воды...

Надев на крючок червя, я поплевал на него три раза — говорят, тогда лучше берет. Еще раз осмотрел, все ли в порядке, и забросил. Теперь — лишь бы подошла рыба!

Долго стояли мы, затаив дыхание, но поплавки так и не шелохнулись.

— У тебя еще не клюет? — шепотом спросил я.

— Да нет, вроде, незаметно, — покачал головой Пич. — Наверно, окуни еще не разглядели...

Рыболов должен быть терпеливым, и мы продолжали ждать. Потом решили проверить, не съедена ли насадка.

Нет, насадка на крючках. Время от времени мы озирались на удильщиков возле моста — как там, не ловится ли? Нет, пока что не ловится.

— Нет клева! — сказал Пич. — Ну, ничего. Уж как начнет брать, только вытаскивай!

Через часок захотелось есть.

— Знаешь что, — сказал я, — все равно не клюет: давай положим удочки и маленько закусим.

— Можно! — согласился Пич, и мы развязали рюкзак. Бутербродов там было видимо-невидимо.

— Бери со шпиком, — угощал я. — В книге написано, что рыболову необходимо полноценное питание!

Глотали большими кусками, не спуская глаз с поплавков. В термос мать Пича налила кофе. В общем, заправились мы основательно.

В этот момент у моста поднялась какая-то суматоха. Удильщики там все время сидели в ряд, как воробьи, и вдруг один сорвался с места, кинулся к своей удочке и выхватил ее из воды.

В воздухе мелькнула крохотная блестящая рыбешка. Все сбегались к счастливцу и долго обсуждали этот случай, разводя руками.

— Ага! — Пич не мог усидеть на месте. — У них уже начинает клевать!

Мы изо всех сил пялили глаза на поплавки, косились порой в сторону моста — не тянет ли опять кто-нибудь, но напрасно. Близился полдень. Наконец я не выдержал:

— Книга у тебя с собой?

— Там, в мешке.

— Надо посмотреть, что делать, если не клюет!

Снова распотрошили рюкзак, перелистали книгу от корки до корки, но никаких указаний на этот счет не обнаружили. Было лишь черным по белому написано, что сметливому удильщику всегда обеспечен хороший улов.

— Да-а, — задумчиво протянул Пич. — Так и сказано...

— А может, насадка не та? — гадал я. — Вот сходил бы ты к мосту, разведаль, чем они там наживляют крючки.

Мой друг безропотно опустил удище на траву.

— Что ж, можно сходить.

И, засунув руки в карманы, Пич отправился к мосту с таким равнодушным видом, словно его ничуть не занимала ни рыбная ловля, ни сами рыболовы.

Осенью дни коротки, и до вечера оставалось уже немного. Мой приятель, наверно, с полчаса слонялся около моста и, кажется, не думал возвращаться. Видно, не так-то просто шпионить за рыболовами!

Я взглянул на поплавки и замер. Мой-то, правда, лежал себе, как неживой, перед пучком камыша, зато поплавок Пича, до половины погружившись в воду, уплывал на середину протоки...

В мгновение ока я схватил удочку Пича. Чуть-

чуть обождал, а когда поплавок нырнул еще глубже, я зажмурился и потянул удочку к себе. В воде кто-то упирался, бился, как сумасшедший, а я знай тащил, пока не выволок его на берег.

Открыл глаза и остолбенел. Это была не какая-нибудь малявка в палец величиной, а самый настоящий горбатый окунь! Растопырив плавники, он кувыркался в траве, словно бешеный. Метнулся туда, сюда и вдруг соскочил с крючка.

Такую рыбину грешно упускать. Хоп! Я кинулся на него всем телом, как вратарь на мяч.

— Держи! — завопил не своим голосом Пич, со всех ног мчавшийся на помощь. Через несколько секунд он уже сидел рядом со мной на траве.

— Есть? — запыхавшись, спросил он.

— Есть! — Я вскочил и поднял окуня в воздух. — Во какой верзила!

— И ты его вытащил?!

— Да! На твою удочку. Значит, наша первая рыба — общая!

Конечно, так оно и было; и все-таки я немало гордился своей удачей. Еще неизвестно, чем кончилось бы, если б тащил Пич: он ведь у нас горячий парень...

Общими силами мы запихали нашего громадного окуня в рюкзак, чтобы он не вздумал опять

прыгать по траве. За это время перед нами появились целых три удильщика, да еще с десятков галопом ринулись сюда.

— Плик! Плюк! Плек! — один за другим шлепнулись в воду разноцветные поплавки совсем рядом с тем местом, где я вытащил нашего окуня.

— Ишь, какие хитрые! — возмутился Пич. — А мы-то теперь куда же?..

— Знаешь, Пич, — сказал я, — давай-ка сможем удочки да поедем домой, чтоб мамы успели почистить рыбу. Все равно сегодня клев никуда не годный!

Как ни странно, мой друг не стал спорить. Должно быть, и ему хотелось скорее похвастать нашей первой добычей перед домашними.

Минут через десять мы уже сидели в трамвае, а через полчаса входили в свою квартиру.

Увидя нас, мать Пича всплеснула руками:

— Батюшки! Нет, вы только полюбуйте, на что они похожи! Где это вы так извозились?

Я взглянул на друга. Он и вправду здорово испачкался: колени облеплены глиной, на груди большое пятно. Впрочем, тут же выяснилось, что и я выгляжу не лучше.

— Ну можно ли таких сорванцов выпускать из дому? — ахнула в свою очередь моя мама.

Отцы не сказали ничего, только молча покачали головами.

А когда наш огромный окунь уже шипел на сковороде, отец Пича переглянулся с моим папкой и выразил свои чувства, как обычно, пословицей:

— Что ж, лиха беда начало!

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СО СПИННИНГОМ

Как ждали мы с Пичем весны! Бывало, каждое утро первым долгом кидаемся к окошку взглянуть, не тает ли? И вот, наконец, дождались.

Успешно окончили шестой класс, принесли домой табели и повели решительное наступление на родителей.

— Пап, слушай, — заговорил я однажды вечером, нарочно улучив минуту, когда в комнате не было мамы. — Мы с Пичем хотим летом поехать в колхоз. У них там под Пиебалгой есть родственники.

— Так, так, — сказал отец, складывая газету. — Это все рыбалка вам не дает покоя?

— Ну почему именно рыбалка? — возразил я

как можно более равнодушно. — Просто охота познакомиться с колхозными ребятами, помочь, ну, там, убирать сено, и вообще...

Отец слегка призадумался, снова уткнулся в газету и долго не произносил ни слова.

Между прочим, мы с Пичем условились начать наступление одновременно. Я сидел и ждал, ждал и прислушивался, не донесется ли от Удрисов победный клич моего друга. Нет, все тихо.

Тогда я вздохнул. Сперва про себя, потом громко, чтобы и папка услышал.

— Поехать в деревню, конечно, можно, — ответил он наконец. — Только потом не пицать, что трудно! Бить баклуши там не позволят.

Ура! Я сразу же ринулся к Пичу и, признаться, попал туда совершенно некстати. Мой друг все еще не решился заговорить на эту тему, и его родителей очень удивило мое ликование. Кто едет? В какую деревню? С чего это Янцис в таком телячьем восторге?

Общими силами мы разъяснили им наши замыслы, и через четверть часа все было в порядке. Конечно, не обошлось без напутственных поучений — как нужно вести себя в деревне, как одеваться, в котором часу ложиться спать. Все это мы выслушали даже с радостью и пообещали своим

родителям быть самыми лучшими, самыми образцовыми детьми на свете. Лишь бы отпустили!

В начале июня мы приехали в Пиебалгу. Родственники Пича приняли нас с распростертыми объятиями — все-таки помощники! Хоть за домом присмотрят, пока взрослые на полевых работах. Однако мы с Пичем на следующий же день отправились к колхозному бригадиру: так и так, Янцис Веринь и Пич Удрис прибыли в ваше распоряжение. Оба пионеры, из Риги. Хотя и не отличники, но годовых троек в табеле нет. Крестьянскую работу не знаем, да что ж из того — научимся, пусть только покажут. И пусть заодно объяснят, где река и где клюет рыба.

— Молодцы! — похвалил бригадир, хлопая нас по плечам.

Звали его Мартин Лиепа. До Янова дня, сказал Лиепа, можете ходить на рыбалку, а потом, коли охота, немножко подсобите колхозникам в уборке сена.

— Всегда готов! — воскликнул Пич и щелкнул каблуками.

Я последовал его примеру. Вид у нас был наверно бравый, потому что бригадир поднес руку к козырьку и скомандовал:

— А теперь шагом марш на речку!

Приказ есть приказ. Целую неделю мы бро-

дили по воде, только брызги летели. Иной раз на удочку шла плотва — ничего более путного там не водилось. Познакомились мы и с колхозными ребятами, расспросили про их жите-быте, рассказали про наши успехи в Риге. Впрочем, на рыбалку мы с Пичем все-таки больше ходили вдвоем.

После Янова дня в колхозе начался сенокос. Как-то бригадир Лиепа за одно утро обрил целый луг.

— Ух, здорово! — восхищались мы, сидя с удочками неподалеку от покоса. — Вот что значит косилка! Сидишь, едешь, а она...

Пич задумался:

— Интересно, а мы смогли бы?

— А чего там! — отозвался я. — Подумаешь, хитрость какая!

— Надо попросить Лиепу, пусть даст и нам маленько поездить... — решил мой друг.

В обед мы завели речь с бригадиром, но он отказал наотрез. Машина есть машина, и в каждом деле нужна сноровка. Еще поломаем какие-нибудь ручки или сорвем у косы зубья. Коли уж так охота помочь колхозу, лучше пришли бы завтра, с обеда, когда начнут возить сено.

— А лошадь-то нам дадут? — спросил я.

Бригадир пообещал. Лошадь ведь не машина, ломать там нечего.

Славные это были деньки! Мы с Пичем и по-сейчас вспоминаем, как возили сено. Солнце печет, пот льет в три ручья, а мы себе увяжем воз да и катим к сараю. Сам бригадир нас тогда похвалил — вот, мол, хотя ребята и городские, а не белоручки, колхозной работы не испугались.

Уберем луг — перебираемся на другой. Так изо дня в день.

И все равно рыболов остается рыболовом: чем бы он ни занимался, вечно мерещится ему вода. Конечно, в обед иной раз удавалось сбегать на речку, да какая же ловля посреди дня! Рыба ни за что не станет клевать, когда солнце прямо над головой!

Мы поинтересовались у бригадира, выйдут ли в воскресенье колхозники на покос. Нет, отвечал он, воскресенье дадим отгулять, народ заслужил.

— Понятно! — подмигнул я Пичу. — Значит, в воскресенье — на рыбалку!

Друг был того же мнения. Только неужели опять на ту же речку — мы ведь уже прочесали ее из конца в конец!

Колхозные ребята сообщили нам, что самое рыбное место в округе — озерцо Бездонное. Название, прямо сказать, устрашающее, да чего нам бояться — в воду же мы не полезем! Так и порешили: в воскресенье идем на Бездонное.

— Может, пескарей наловить для насадки? — предложил я. — Щук там, говорят, тьма тьмущая!

— Ну, да! — махнул рукой Пич. — Пойдет тебе щука на пескаря! Нам бы спиннинг...

Спиннинг! Это слово мой друг произнес невзначай, но я сразу же загорелся. Конечно, приятно ловить рыбу удочкой, но спиннинг — это ж совсем другое дело! Нечего беспокоиться о насадке, знай забрасывай и таскай щуку за щукой.

Итак, нам понадобился спиннинг. А где его взять? У родственников Пича таких замысловатых снастей не водится... Вся суббота прошла в переживаниях. На червя, шитика и кузнечика даже смотреть не хотелось. Мы ходили, как в воду опущенные, и это наверно бросалось людям в глаза, потому что вечером бригадир спросил:

— Что это нынче с нашими рижанами?

Мы с Пичем переглянулись и выложили ему, что у нас на душе.

— Только-то и всего? — рассмеялся бригадир. — Сказали бы сразу. У меня же есть спиннинг!

Мы воскликнули, перебивая друг друга:

— У вас есть спиннинг? Настоящий?

— Самый настоящий! — подтвердил бригадир. — А вы с ним обращаться умеете?

— Мне-то, правда, не приходилось... — промямлил Пич. Лицо его при этом вытянулось.

— А чего там уметь! — расхрабрился я, зная, что иначе спиннинга не получишь.

— Умеешь? — переспросил Лиепа.

— Умею! — отвечал я.

— Ну, заходите вечером...

В воскресенье чуть свет отправились на озеро. Дорогу расспросили заранее, заблудиться невозможно. Удочек решили не брать, чтобы зря не таскать лишний груз. Ловить на спиннинг по очереди — я, конечно, первый.

— Янц! дай мне теперь понести, — попросил Пич. Спиннинг лежал у меня на плече.

— Придется уж, — вздохнул я, и спиннинг переключал на плечо моего приятеля.

На берегу озера маячило несколько удильщиков. Спиннингистов среди них еще не было ни одного.

— Давай забрасывай! — подзадорил я Пича. — Сейчас самый жор у щуки!

— Почему же я? — возразил Пич. — Много ли я в таких снастях понимаю? Забрасывай сам, ты же говорил, что умеешь.

Меня зло взяло. Ну может ли рыболов быть таким непредприимчивым, как Пич!

— Ладно, давай сюда! — сказал я. Сильно взмахнул в воздухе удильцем и — плек! Блесна упала в воду шагах в трех от берега.

— Дальше бросай! — учил меня Пич. — Или силенки мало?

Я забросил опять, но результат был не лучше.

— Вот несчастье!

Я покачал головой, долго исследовал злополучный снаряд, уперся покрепче и метнул, что есть силы. Блесна задела Пича за волосы, но дальше четырех-пяти шагов так и не улетела.

Какой-то удильщик подал совет:

— Тормозок отпусти!

Вот оно что, тормозок! Долго мы с Пичем гадали, где бы он мог находиться. Искали и на комле, и возле колечек — куда он запропастился? Вот что значит идти на рыбалку без книжки!

Наконец, нашли.

— Ну, теперь держись, щука! — весело воскликнул я, размахнулся и забросил. Только барабан застрекотал.

— Куда ж она делась? — испуганно спросил Пич.

Смотрели во все стороны, наконец обернулись назад... Блесна застряла в траве, а леса так перепуталась, что просто жутко.

Пич совсем приуныл:

— Видишь, что получилось! А говорил, умеешь обращаться...

— Да разве я знал, что у него за спиннинг.

Неважнецкий, надо прямо сказать! — оправдывался я. — Помоги, Пич, намотать лесу обратно!

Делать нечего, принялись распутывать. Я взял одну петлю, он другую. Просовываем и тянем, а когда попадают узлы, пытаемся продернуть сквозь них лесу. Раза три пришлось протаскивать удилице, один раз даже сам Пич прополз сквозь всю эту неразбериху... Как мы ни трудились, шнур запутывался все больше и больше.

Через полчаса мы были стреножены что кони. Только выкарабкаешься из одной петли, попадаешь в другую.

— Надо отдохнуть, — предложил я, отирая рукавом пот.

— Да, не худо бы, — согласился Пич. Мы сели. Солнце стояло уже высоко, и нам стало жарко.

— Янци, — робко спросил Пич. — Как ты считаешь, выберемся мы когда-нибудь из этой путаницы?

— Конечно, — сказал я уверенно, а у самого на душе кошки скребли.

Мы промучились еще часа два без малейшего результата: одни сплошные узлы...

К счастью, через некоторое время нам протянул руку помощи тот самый удилицик, что давеча советовал отпустить тормоз. Он уже наловил полную авоську крупных окуней и теперь решил по-

глядеть, чего это мы ползаем по траве. Работая в шесть рук, мы к вечеру распутали шнур.

— Когда забрасываешь спиннинг, надо притормаживать барабан, — заметил наш помощник.

Мы с Пичем ничего не ответили. Поди, пойми, что когда делать — то отпуская тормозок, то опять притормаживай...

Молча брели домой.

— Может, ты теперь понесешь?

С этими словами Пич передал мне спиннинг.

Когда мы возвращали бригадиру его хитрый снаряд, солнце уже опускалось за лес. Воскресенье пропало — пока еще дожدهмся следующего!

ТАЙНА БЕЗДОННОГО ОЗЕРА

Случалось ли вам просидеть день на реке или озере впустую, в то время как тут же, рядом, какой-нибудь с виду ничем не примечательный рыболов таскает себе из воды окуня за окунем?

Нам с Пичем случалось, и надо прямо сказать, что очутиться в подобном положении очень, очень неприятно!

Произошло это на том же Бездонном. Однажды в воскресный вечер родственник Пича, дядя Антон, спросил, не желаем ли мы сходить завтра на озеро. Нынче как раз молодой месяц и ветер с юго-запада, значит окунь должен клевать вовсю.

Мы с Пичем готовы были бежать на озеро хоть сейчас; в жестянке еще остались с прошлого раза

черви. А если нужны пескари — в два счета наловим в речке!

— О чем я и говорю, — подмигнул дядя Антон. — Если у тебя на крючок насажен порядочный пескарь, окунь никуда не денется. Самому-то мне за мальками гоняться вроде бы не с руки...

— Нам это раз плюнуть! — прихвастнул Пич, гордо выпятив грудь. — После завтрака натаскаем вам сколько угодно!

— К завтраку мы должны воротиться с озера, — усмехнулся дядя Антон. — Стало быть, пескарями нужно запастись еще сегодня...

Сегодня так сегодня! Мы с Пичем немедленно отправились на речку и, подымая брызги, прошли вдоль ее зеленых берегов. Иной раз сачок зачерпывал только тину, зато порой в нем трепыхалось сразу десятка два желтоватых с черными крапинками рыбешек.

К закату солнца мы были дома.

— Подходяще! — сказал дядя Антон и поболтал в ведре рукой. — Мальки первый сорт. Надо только на ночь выпустить их в кадушку да влить ведерка два воды, чтоб не уснули.

Так мы и сделали. Я хотел для верности прикрыть кадку сачком, но дядя Антон сказал, что это лишнее, пескари не выпрыгнут. Были 6 головли, тогда другой разговор.

Мы встали чуть свет. По правде сказать, света и вовсе не было, просто нам с Пичем приснилось, будто мы уже проспали.

Стали делить пескарей. Дядя Антон наливал воду, Пич горстями сыпал рыбешек то в одну посудину, то в другую, а я следил, чтобы было поровну и чтобы кому-нибудь не достались все самые крупные. Уж делить, так делить по-честному.

Стояла теплынь, самая середина лета, и мы очень удивились, что дядя Антон надел на голову шляпу.

— Холодно ему, что ли? — усмехнулся Пич, толкая меня в бок.

— Вполне возможно, — шепнул я. — Как-никак пожилой человек.

Пожилой человек, однако же, расслышал наши секретные переговоры. Скручивая из табака-само-сада толстую сигарку, он добродушно сказал:

— Шляпа это, братец ты мой, неспроста... Ни один порядочный рыболов не пойдет к воде без головного убора!

Мы и рты разинули. О каких только уловках не приходилось читать, а такое слышали в первый раз.

— Почему ж это? — не выдержал Пич.

— Да так уж... — улыбнулся дядя Антон.

И начал распоряжаться: — Ну, шагай веселей, рижские рыболовы! Скоро солнышко встанет.

Сначала мы шли лугом, только роса сыпалась с трав. Потом начался лес, густой ольшаник. Чуть заденешь за ветку, холодная вода льется тебе на голову и за шиворот.

Светало, когда мы вышли на озеро. Солнце еще не показалось, да разве истинному рыболову нужно солнце? Лишь бы поплавок разглядеть, и на том спасибо!

Наше Бездонное — довольно своеобразное озеро. Не очень оно большое, зато глубина начинается сразу. Точно колодец! Берег топкий, ноги по щиколотку погружаются в мох. Сухих мест там не ищи, а трясин хватает — стоит зазеваться, и мигом ввалишься в поросшее цвелью «окно»: там уже не до шуток...

Дядя Антон прежде всего закурил, потом наживил на крючок пескаря и уселся на свое ведро с мальками. Мы отошли чуть подальше и тоже забросили удочки.

Ветра еще не было и в помине, вода — глядись, как в зеркало. Подождали, но окуни не показывались. Только пескари плавали, заставляя чуть-чуть трепетать поплавки. Мы помаленьку двинулись вперед — чего зря стоять-то: если рыба не здесь, значит ждет нас в другом месте.

Шли мы, шли и вскоре очутились на другой стороне озера. Лишь дядя Антон остался; порой он поднимал из воды удочку — видно, окуни все-таки появились. Подробно рассмотреть мы не могли — солнце уже встало и било нам прямо в глаза.

Наконец и у Пича стал тонуть поплавок. Погрузился до половины, вынырнул, полежал опять без движения, потом опять затонул и совсем исчез под водой.

— Тяни! — крикнул я.

Пич и сам не зевал. Он осторожно вытянул удочку — на крючке трепетал окунек. Маленький, черный — и откуда такие берутся!

— Фу, какая малявка, — произнес Пич обиженно.

— Ничего, ничего! Где маленькие, там и большие! — вспомнил я известное изречение.

Но большие что-то не показывались. Мы уж и поднимали и опускали поплавки, да разве это поможет, если удачи нет!

— Не клюет, ну хоть плачь! — жаловался я, безнадежно разводя руками.

Когда, обойдя озеро, мы вернулись на прежнее место, добычу нашу составляли три окунька в палец длиной.

— Ну, как? — спросил дядя Антон. — Полные торбы, небось?

Мы только головой покачали.

— Гляньте-ка у меня, — поманил нас дядя Антон.

Заглянули. Сперва я, потом Пич. Окуней было с полторбы, такие же черные, как наши, зато величина! Крупные все, как один, в ином добрых полкилограмма.

— С ума сойти! — У меня опустились руки. — Как это понимать?

— Тут какая-то тайна... — запинаясь, проговорил Пич. — И на тех же пескариков, что мы на-черпали?

— На тех же самых! — подтвердил дядя Антон. — Покамест вы вокруг озера носитесь... Да, не найдется ли у вас там, в ведерке, мальков чуточку порезвей? Моим-то уж скоро крышка.

Пескарей у нас было более чем достаточно. Отсыпали дяде Антону каждый по доброй пригоршне и про себя решили больше не двигаться с места. Надо посмотреть, как он вытаскивает таких великанов!

— Стойте смирненько, тогда и у вас клевать будет, — шепотом посоветовал дядя Антон. — Я здешнюю тайну зна-аю! Окуньки сами ко мне идут!

И он нахлобучил поглубже шляпу.

В это мгновение нас обоих осенила одна и та же мысль: шляпа! Недаром дядя Антон, еще выходя из дому, сказал, что шляпа — это неспроста и что ни один порядочный рыболов не подойдет к воде без головного убора!

— Ты понял? — толкнул я Пича.

— Да брось ты...

Он все еще не верил.

— А как же! Факт налицо: он в шляпе — и у него клюет, мы без шапок — и маемся понапрасну...

— Это уж получается вроде как суеверие, Янцис. В школе-то что говорили... — робко возразил Пич.

— В школе, в школе! — передразнил я. — В школе тебя удить рыбу не научат! Иди сам к воде и гляди во все глаза, тогда узнаешь, что творится на белом свете. А три раза поплевать на червяка — это, по-твоему, тоже суеверие? А смотреть на молодой и на старый месяц, на ветер и на тучи?

— Ну, тут дело другое.

— Вот видишь, — настаивал я. — Все это — неспроста!

— Так-то так... — заколебался Пич.

Пока мы спорили о различных ухищрениях рыболовов, на крючок дяде Антону снова попался

крупный окунь. Вода забурлила, когда он шел к берегу, растопырив плавники.

Удильщики не завистливы, но смотреть, как другой перед твоим носом вытаскивает из воды рыбу за рыбой, а у тебя даже не клюет... Нет, такое выдержать невозможно — нельзя и требовать от человека!

Дядя Антон снял окуня с крючка, бросил в торбу, наживил нового пескаря и, едва поплавок коснулся воды, окунь был уже тут как тут.

Мы смотрели, широко раскрыв глаза. И все это — шляпа! Если бы у нас с Пичем были шапки! Хоть одна на двоих! Много ли нам нужно?

Вдруг перовой поплавок Пича подскочил кверху и нырнул в воду. Мой друг потянул, удище изогнулось, но рыба не показалась из воды. Лишь на мгновение мелькнули большие белые бока, и... леса, ослабнув, повисла над водой.

— Сорвалась? — спросил я, еще не в силах постичь случившееся несчастье.

— Вместе с крючком... — грустно подтвердил Пич. — Хороший крючок был. Третий номер, за рубль десять.

— Щука тебе рубли и копейки считать не станет, — не выпуская изо рта сигарки, буркнул дядя Антон и вытащил на свет божий окуня — третьего подряд.

В девятом часу отправились домой. Настроение у нас с Пичем было препаршивое.

— Дядя Антон, а что вы делаете сегодня вечером? — спросил я как бы невзначай.

— Полежу, почитаю газетку, одним словом отдохну, как полагается в воскресный день...

— У нас с Пичем к вам большая-пребольшая просьба, — продолжал я.

— А ну?

Дядя Антон с любопытством посмотрел на нас. Я пнул Пича локтем, чтоб не вмешивался.

— Мы, понимаете, хотели... Не могли бы вы одолжить нам часика на два свою шляпу?

— Эту? — Дядя Антон сдвинул шляпу на затылок. — Да на что вам? Она у меня еще с первой мировой войны... Уже и не поймешь, какого цвета, и лента вся в пятнах...

— Неважно! — убеждал я его. — Неважно, какой цвет, неважно, что вся в пятнах. Лишь бы шляпа!

— Да на что она вам? На бал идти, что ли?

— Мы хотим вечером еще раз сбегать на Бездонное, — пояснил я.

Теперь и Пич понял мои намерения.

— Вечерком сбегать... — кинулся он мне на помощь. — Ведь без шляпы-то не клюет...

Дядя Антон остановился, оглядел нас с головы до пят и в недоумении пожал плечами.

— Вы что, никак шляпой ловить собираетесь?

— Зачем шляпой? Шляпа для другого нужна, вы же сами давеча сказали...

— Ясно, нужна, только не для клева! Надень головной убор, и тебе не страшны ни дождь, ни солнце, ни ветер. А для того, чтоб клевала рыба, нужна голова, а не шляпа!

— Сами же вы говорили что-то про тайну Бездонного озера, — не сдавался Пич.

— Ах, чудаки, чудаки! — Дядя Антон весь затрясся от хохота. — И вы эту тайну еще не разгадали?

Мы сознались, что не разгадали.

— Вокруг себя надо смотреть! Вот вам и вся тайна! Берега на Бездонном топкие, так или нет?

— Так, — подтвердил я, ничего еще не соображая.

— Колышется берег, когда вы вокруг озера носитесь?

— Маленько колышется.

— Ну и думаете, окунь это не замечает? Окунь, братец ты мой, рыба не глупая! Сядь смиреннько, закури. Обожди маленечко, и рыба сама к тебе подойдет. Озерцо небольшое, куда ж ей деваться!

— А-а-а! — только и вымолвили мы с Пичем. — Так вот оно что...

К вечеру мы опять были на Бездонном. Пескари плескались в ведерке, сами мы никуда не бегали. А шляпа — шляпа была все-таки при нас! Потому что без головного убора ни один порядочный рыболов не пойдет к воде!

ВОДА СО ВСЕХ СТОРОН

У каждого рыболова есть свои излюбленные реки и озера. Если вы часто ездите по мосту через Юглу, посмотрите, кто обретается там внизу. Сидит возле свай, скажем, человек в коричневой кепке и красном галстуке, а рядом второй, в закатанных брюках и с дымящейся трубкой. Поедете в другой раз — обратите внимание: эти же двое будут торчать там, как пришитые. И так изо дня в день, из года в год. Пять шагов вправо, три шага влево — дальше они никуда не отлучаются.

Другие удильщики, в свою очередь, так часто ездят на Лиелупе, что контролеры электрички уже не спрашивают у них билетов. Есть и такие, которые не признают иных водоемов, кроме озера Бабелите, хотя последнюю густеру там, говорят,

выловили еще на третий год после войны. Это называется «специализацией» удильщика!

В то лето мы с Пичем специализировались на озере Бездонном. Чуть выпал свободный часок, мы уже там — то с колхозными ребятами, то вдвоем, когда как.

К концу лета мы стали считать, что знаем озерцо, как свои пять пальцев. Рыба клюет всего лучше у самого берега, и особенно там, где есть хоть небольшая бухточка. Стоит обмакнуть в воду пескаря — через минуту щуки и окуни тут как тут.

Однажды, в последних числах августа, мы, как всегда, сидели на своих пескариных ведерках и удили рыбу возле небольшого полуостровка, вдававшегося в озеро. Дядя Антон предупредил нас, чтоб мы не вздумали лезть на этот полуостров, не то можно уплыть чорт-те куда. Куда же тут уплывешь? А вот как бы не ввалиться в трясину — это верно, надо смотреть в оба!

Долго ли мы так сидели, вдруг слышим: шук, шук, шук! Крупный окунь гоняется за мальками, только плеск по воде идет.

— Вот где верзила! — сказал Пич. — Верных полкилограмма будет!

Немного погода опять: шук, шук, шук! Теперь за мальками охотился уже не одинокий хищник, а целая стая.

— Крупные!

Я выхватил удочку из воды и забросил туда, где разбойничала стая окуней. Леса растянулась на всю длину, сколько позволяло трехколенное удище, и все же не долетела метра полтора до намеченной цели.

— Обождем, сейчас сами придут! — шепнул Пич, укладывая свой поплавок рядышком с моим.

Ждали мы, ждали, а окуни все кружились на месте, как заколдованные. Подплывать к берегу и хватать наших пескарей они даже не собирались.

Моего друга охватил рыболовный азарт:

— Пошли на полуостров, оттуда мы их достанем как миленьких! Я лезу первый. А если начнет тонуть, ты мне подашь свою удочку.

Полуостровок вовсе не думал тонуть, и вот уже мы очутились в самой непосредственной близости от окуней. Постарались не колыхать моховину, и нам это вероятно удалось, потому что рыба ни сколько не пугалась и хватала наших пескарей, точно в жизни не видела ничего вкуснее. Мы вытаскивали из воды окуня за окунем.

— Такого улова у нас еще сроду не бывало! — заявил Пич, когда окуни дали нам маленькую передышку. — Это они к дождю!

Мой приятель был прав как никогда. Улов оказался поистине рекордным — семь красноперых

красавцев, да таких, что только держись! А из-за сосенок, с той стороны озера, медленно волоклись иссиня-черные тучи.

— Эй, не податься ли нам к дому? — молвил Пич. — Как хлынет сейчас...

У меня как раз в эту минуту опять затонул поплавок, и я вытащил великолепного окуня.

— Хлынет, хлынет! — прошипел я сердито. — Когда еще доживем до такой удачи? Тут окуней не успеваешь вытаскивать, а он — домой! Подумаешь, дождь. Не размокнем, не сахарные!

— Так-то так... — нехотя согласился Пич. Однако на черное небо он посматривал чаще, чем на свой красный перовой поплавок.

Есть у туч скверная привычка: собираются они очень медленно, а потом внезапно-негаданно обрушиваются тебе на голову.

Так вышло и тут. Сперва налетел ветер. Под его бешеным порывом наши леса вместе с поплавками вдруг закрутились штопором. Сами мы едва устояли на ногах.

— Бу-бу-бу!.. — Пич хотел что-то сказать, может быть и сказал, да я не расслышал. Еще мгновение, и крупные капли дождя забарабанили по нашим спинам.

— Давай удирать! — крикнул я, подхватил свое ведерко с пескарями и кинулся к сосенкам,

Пич за мной. Но, пробежав шагов десять, мы остановились, как вкопанные: полуостровок отделился от берега, и теперь со всех сторон его окружала темная, бурлящая вода.

— Янци! — От изумления у Пича выпала из рук удочка. — Что ж теперь делать?

Откуда мне знать? Сильный ветер гнал нас в открытое озеро — берег все удалялся. Даже если бы удалось доплыть до него, в одежде и с удочками, все равно из воды не вылезешь — кисель, а не земля...

— Достукались! — воскликнул в отчаянии Пич.

Признаться, и я немножко струхнул. Чем-то все это кончится? Дождь лил как из ведра, но это беспокоило нас всего меньше. Лишь бы убраться подобру-поздорову с этого несчастного острова!

— Это все я виноват! — тяжело вздохнул Пич. — Ведь говорил дядя Антон, чтоб не лезли сюда!

— Не лезли, не лезли! — Я изо всех сил старался сохранить хладнокровие. — Что толку ныть понапрасну! Лучше погляди, как он быстро плывет: скоро будем на том берегу.

— Ты так думаешь?

— Ясно. Подумаешь, диковина! Это же просто плавающий остров.

Оказалось, что Пич осведомлен о плавающих

островах не в пример лучше меня. Он где-то вычитал, что на латвийских озерах это явление не редкое. К сожалению, о Бездонном там не было сказано ни полслова, иначе, конечно, мы никогда не доверились бы такому «полуострову». А теперь приходится дрейфовать в неизвестном направлении, да не по какой-нибудь луже, а по настоящей бездне!

К счастью, мне тут же вспомнилась вычитанная из нашей драгоценной рыболовной книжки фраза о том, что рыболову необходимо обладать мужеством и выдержкой. Эх, как это правильно! А ведь когда читали, казалось — пустые слова.

— Не вешать голову! — бодро воскликнул я, хлопнув друга по плечу. — Пол-озера уже проехали, скоро причалим к берегу.

Пич храбро улыбнулся в ответ:

— Возможно, и так. Носимся по волнам, как Синдбад-мореход.

— Только вода вокруг нас — пресная.

— Зато сами мокрые, как мыши. Не знаю, поливал ли Синдбада-морехода такой дождь?

Вопрос был не из простых. О метеорологических условиях и количестве осадков в те времена нам ничего неизвестно.

Вспомнили мы и других прославленных мореплавателей, начиная с Одиссея, Лачплесиса и

Шального Дауки и кончая нашими отважными полярниками. Разве их не заливало водой? А герои «Путешествия на Кон-Тики»! Нет, нам-то еще горевать нечего. Кстати, дождь перестал, значит одной невзгодой меньше. Озерцо совсем успокоилось, кое-где опять плескалась рыба.

— Эх, Янци, пока мы тут катаемся, надо бы поудить! Может, после дождя окунь клюет еще лучше?

И Пич принялся распутывать перекрутившуюся лесу.

Предложение было стоящее, тем более, что делать-то все равно нечего. Хоть время скорее пройдет.

Мы забросили удочки на ту сторону, куда, по нашим наблюдениям, плыл остров. Расчет был такой: когда подъедем к поплавкам, вытащим своих пескарей и закинем подальше. Таким способом будем примечать, насколько продвинулись вперед.

Ждали мы долго, но поплавки так и не приближались. Все ясно: ветер утих, и островок остановился посреди озера...

Первым заметил это Пич. Он положил удочку в мох и горестно развел руками.

— Да, не везет! — подтвердил я. Положение сулило нам новые неприятности.

— А если попытаться грести удилицами? — встрепенулся Пич. — Чем сидеть сложа руки...

Опустили удилица комлями в воду и долго взбивали пену, но толку не добились. Островок не пошевелился.

Тогда Пич внес новое предложение:

— Не позвать ли кого-нибудь на помощь? Сами-го мы не выберемся на берег до скончания веков!

Обсудив вопрос, мы решили, что прямо уж так звать на помощь все-таки не стоит. На что ж это похоже, если мы, пионеры и великие рыболовы, распищались бы из-за пустяков, чтобы кто-то бежал нас спасать. Вот, может, удастся как-то иначе привлечь к себе внимание — люди заметят нас и сами сообразят, что им делать...

И мы решили петь — конечно, морские песни или вообще такие, где упоминаются моря и далекие путешествия.

Пич тотчас же затянул «Жил отважный капитан», я подхватил, но на третьей строчке обнаружилось, что начали мы чересчур высоко. Взяли пониже — теперь нас заколодило там, где капитан погибал среди акул. Наверно, песня эта не была приспособлена для наших голосов. Кстати сказать, мы с Пичем не ахти какие выдающиеся певцы.

— Может, попроще что-нибудь? — предложил

я. — Чтоб звучало позадорнее и подальше слышно было!

Мы подстроили голоса и грянули нашу народную «Ветры, парус раздувайте». С особой торжественностью выводили то место, где говорится про богатый улов:

Серебристые лососи,
Золотистый окунек!

Пич так старался, что даже раскашлялся.

— Да ты никак простудился? — Я потрогал рубашку Пича. — Ты же весь мокрый!

— Ничего, уже просыхает. Хорошо хоть не холодно сегодня!

После того, как мы исполнили еще несколько песен, на берегу показались два паренька. Нам были заданы вопросы: чего это мы болтаемся посреди озера, скоро ли пристанем к берегу и вообще зачем подняли такой крик?

Истинный рыболов даже в самом затруднительном положении не уронит своего достоинства; поэтому мы ответили, что на берег еще не собираемся, а поем просто так, для собственного удовольствия.

— А мы думали, с вами что-нибудь приключилось!

— Ой, что вы! — отвечал я с невозмутимым спокойствием. — Между прочим, не знаете, нет ли тут поблизости какой-нибудь лодки?

— Лодок на Бездонном нет, — подтвердили ребята факт, известный нам и без них. — А что, вам нужна лодка?

— Да ну, зачем! Мы просто думали, если вам делать нечего, подъехали бы к нам. Покатались бы на островке. Во, как пружинит славно!

И я стал прыгать по топкой моховине, чтобы

ребята видели, как пружинит. Но они крикнули в ответ, чтобы мы лучше шли на берег, сходили бы все вместе попробовать первые орехи.

И тут Пич проговорился:

— Мы бы и рады, да никак не можем сойти...

Запираться больше не было смысла, и мы рассказали, какая у нас неприятность. Ребята ничего не могли посоветовать. Этот островок болтается так по озеру неделями, потом опять с месяц стоит, как привязанный, у берега...

Неделями! Вот номер! А нам надо попасть на сушу сегодня, сейчас же! До берега шагов сто, не больше, да ведь вокруг вода! Близится вечер, скоро зайдет солнце, и тогда придется нам распевать песни при лунном свете...

— Неужели ничем нельзя нам помочь? — спросил я, совсем падая духом.

Пареньки долго совещались и решили, что один из них сбегает к бригадиру Мартину Лиепе. Тот уж обязательно придумает что-нибудь.

Старший убежал, а меньший вскоре засобирался домой — ему велено присмотреть, чтобы ворона не утащила цыплят. Мы с Пичем уж и так и этак просили его не уходить. Все-таки легче на душе, если можешь переговариваться с большой землей.

В конце концов паренек согласился остаться,

только чтобы мы дали ему пять золотых крючков и три метра капроновой жилки толщиной ноль три.

Пич, как человек более практичный, стал торговаться, предлагая поладить на трех крючках и обыкновенной жилке толщиной ноль два. Парнишка ни за что не соглашался; пришлось пообещать ему все, что он просит.

Мы беседовали на самые разные темы. Под конец, когда уже не о чем было говорить, просто глазели друг на друга, пока не появился бригадир.

— Ох, бесенята, — сказал он насмешливо. — Как же мы теперь подтащим к берегу этот кусок трясины?

В руках у бригадира был его знаменитый спиннинг.

— Отойдите на другой край и присядьте, чтоб не попало блесной по глазу! — скомандовал он.

— Ж-жик! — прожужжала блесна и упала в воду шагах в пяти от нашего плавучего острова. Бригадир намотал лесу и забросил второй раз. С пятого броска трехзубый крючок наконец зацепился за камыш островка.

— Взять в руки шнур и держать крепенько! — последовала новая команда.

Мы ухватились за лесу. Шнур так и звенел, ка-

залось, вот-вот лопнет. Вскоре мы заметили, что остров наш опять плывет.

Ребята на берегу подбросили в воздух кепки и закричали «ура». Мы же, великие мореходы, молчали, точно набрав в рот воды.

У берега бригадир протянул нам руку и помог перейти на сушу вместе с нашими окунями.

— Спасибо! — в один голос поблагодарили мы своего избавителя.

— Как понравилось великое путешествие? — спросил он.

— Да ничего себе, — начал я бодро.

Но Пич перебил меня:

— Что ни говори, а на твердой земле все-таки лучше!

РЫБОЛОВ НИКОГДА НЕ ВРЕТ

Все лето мы провели у воды, продолжали ездить на рыбалку и осенью, в городе. Как-то под вечер, когда большие часы у ВЭФа показывали половину седьмого, мы с Пичем возвращались на шестом номере трамвая с Юглы. За окном накрапывал мелкий, теплый, совсем еще летний дождик. Блестящий асфальт был похож на озеро в безветренную погоду, автомашины оставляли на нем широкие рубчатые следы.

Я держал на коленях рюкзак, а Пич — молочный бидончик, охраняя его от толчков так бережно, словно там находились яйца какой-нибудь редкой птицы или стеклянные бусы, что вешают в новый год на елку. Временами он наклонялся, приподнимал крышку и прислушивался.

— Что, шебуршит? — спросил я наверно уж в десятый раз.

— Ага! — радостно кивнул головой Пич.

— Ты уж смотри! — вновь напомнил я другу.

— Будь спокоен!

Он притиснул крышку бидона и опять замурлыкал песенку о семнадцати рыбаках, которую пел перед тем.

Вообще, настроение у нас было приподнятое, как всегда у людей, с честью выполнивших трудное задание.

— Да уж, не оплошали, — сказал Пич горделиво. — Выгудили. И к тому же в дневное время!

— А что особенного? — по привычке возразил я, пытаюсь принять равнодушный вид, а про себя подумал о том, как удивится завтра наш седьмой класс.

Да что там седьмой класс! Вся школа узнает, и тут-то начнется. Ребята обступят нас:

— Где это вы изловили такого?

— На Югле, у железного моста. Где же еще!

А девочки спросят:

— Он наверно ужасно сильно вырывался?

Пич, конечно, не утерпит и расскажет, как мы расстроились, когда вытащенная из воды рыбина шмыгнула в траву. А я — я только махну рукой:

мол, видали и не таких, и то ничего — справлялись!

— Гы-ы!.. — Чей-то ехидный смешок внезапно оборвал мои приятные размышления. На противоположной скамейке, заложив руки в карманы, сидел длинный Густ с соседнего двора. — Куда это вы ездили? В Бикерниеки за козым молоком? — спросил он, пренебрежительно тыча пальцем на наш бидончик.

С Густом у нас были свои счеты. Играя в футбол, он никогда не упускал случая толкнуть или «подковать» тех, кто слабее и меньше.

Кроме того, у него была скверная привычка залезать на забор, разделяющий наши дворы, и с этой позиции обстреливать наших ребят из рогатки. Мы не раз посылали к нему своих представителей для переговоров — да Густ разве слушал кого-нибудь!

— Баллистическая ракета Гу-I, — ухмыльнулся он, вынимая свою рогатку. — Во какие формулы на ручке написаны: не подходи близко!

Знаменитое боевое оружие было всегда при нем.

— Ну, что? Или язык проглотили?

Пич не ответил, только прижал крышку бидона поплотнее. Я сунул руки в карманы и опять отвернулся к окну.

— А там что? Лепешки? — Густ привязался теперь к моему рюкзаку.

— Сам ты лепешка! — не выдержал Пич. Удивительно, что сегодня он ничуть не боялся Густа. Наверно потому, что нас двое.

Трамвай с грохотом пересек Артиллерийскую улицу, на следующей остановке всем нам надо было вылезать.

У дождя, ближе к осени, такая повадка: целый день он моросит, как сквозь сито, и вдруг начинает поливать словно из ведра. Не успели мы, выйдя из трамвая, дойти до улицы Суворова, как хлынул настоящий ливень.

— Фью! — свистнул длинный Густ и опрометью нырнул в ближайшие ворота. Нам с Пичем не оставалось ничего другого, как последовать его примеру.

— Ух ты! — Пич перевел дух и поставил бидончик на асфальт.

— Эй! Кто там царапается? — заинтересовался, наконец, Густ.

— Рыбка, — отвечал я, отряхивая совершенно мокрую фуражку.

— Вы на рыбалке были? А удочки где же?

Пич показал на рюкзак:

— Там! Наш класс устраивает аквариум...

— С колюшками и мальками?

— Нет, с различными породами рыб! — отчеканил я.

— Иди ты! И большая у вас там рыбешка сидит?

Густ наклонился и хотел снять крышку, но Пич отпихнул его.

— Да так, не очень, — сказал я. — С полметра будет.

— Врешь! — процедил Густ, презрительно сморщив нос. — Уж теперь-то ты врешь. И вообще, рыболов никогда правду не скажет.

— Спорим! — сказал я совершенно спокойно. — Если, конечно, не трусишь.

Это было все равно, что подлить масла в огонь. Кем-кем, а уж трусом длинный Густ не хотел прослыть.

— Хорошо! — прошипел он. — На трешку, идет?

Мы с Пичем переглянулись, и друг понял меня.

— На деньги не спорим, — произнес он с внушительной миной. — Давай так: мы ставим свои донки, а ты — рогатку.

— Баллистическую ракету? Да вы что? Второго такого оружия нет на свете!

— А наши удочки? — Я развязал мешок. — Во, какие звоночки! А леса? Капрон. Ноль сорок

пять! Клади рогатку рядом — кто выиграет, тот берет!

— Стоит ли связываться? — задумчиво проговорил Густ, запустив в волосы пятерню. Наша готовность идти на спор его немного смутила.

— Ну, так как же? — спросил Пич, забирая бидончик. — Дождь вроде перестает. Чего тут торчать, надо идти домой.

Дождь действительно приутих, люди покидали свои убежища и выходили на тротуар.

— Струсил! — процедил Пич, презрительно посмотрев на нашего недруга.

— А, давай! — не выдержал Густ.

И спор состоялся. Пич разнял наши руки по всем правилам улицы Маляров. Затем я взял бидончик, снял крышку и отдал ее подержать Пичу, а сам отогнул рукав куртки и запустил в посудину руку.

— Ну, что! Разве не длиннее полметра?! — вскричал, торжествуя, Пич. Я вытащил руку из бидончика, и перед нами, стиснутый тремя пальцами, затрепыхался огромный угорь.

От изумления Густ захлопал глазами, рот у него раскрывался все шире и шире, наконец он прижался спиной к арке ворот и издал один лишь протяжный вопль: «Аааа!»

Знаменитая рогатка, баллистическая ракета

Гу-1, от которой столько натерпелись и большие и малые ребята с нашего двора, была уложена в мой рюкзак рядом с донками, коробочкой для крючков и сачком.

— Погодите! Это жульничество! — спохватился Густ. — Угорь не рыба, а червяк!

Мы с Пичем не стали его слушать. Насвистывая, шагали мы на улицу Маляров, а лишившийся своего оружия незадачливый спорщик, что-то бормоча под нос, плелся позади.

У наших ворот Пич обернулся, помахал жестяным блестящим бидончиком и с победоносной усмешкой взглянул на длинного Густа. Потом мой друг сказал:

— Видал? Рыболов никогда не врет!

ХВАСТАТЬ — НЕ КОСИТЬ, СПИНА НЕ БОЛИТ

■ Приближалась весна, и мы с Пичем по вечерам уже осматривали свои удилица — может, потрескались, покоробились за зиму; проверяли шнуры, считали, сколько крючков осталось с осени, и каждое утро искали в газетах долгожданных заметок о состоянии льда на реках. Так прошел март, начался апрель, а воды все еще были скованы льдом.

Однажды нам повстречался дворник. С тех пор как мы с Пичем стали заправскими рыболовами, наши дипломатические отношения с дворником значительно улучшились. Прекратились по нашему адресу всевозможные обвинения, будто мы вышибли стекло или «излягали весь двор». Наоборот, этот грозный, вечно сердитый блюсти-

тель порядка стал даже очень приветливым и разговорчивым. При каждом удобном случае он рассказывал нам свои необычайные рыболовные похождения — и давнишние, из времен еще до первой мировой войны, и пережитые им совсем недавно, «аккурат на одном озерике, куда не каждый дурак доберется».

На сей раз встретившись с нами, дворник приложил палец к губам в знак того, что разговор предстоит сугубо секретный, отвел нас в сторонку, огляделся вокруг и, еще раз прижав палец к губам, таинственно прошептал:

— Окунь клюют! Эва какие!

— Ой, где?

— Где, где! Кому надо, тот знает, где! Ежели охота, так уж и быть, в воскресенье свезу. Вот они где у меня, ихние стоянки!

И он неторопливо ткнул себя пальцем в лоб.

— Да разве лед уже растаял? — снаивничал я.

— Зачем? Лед еще аккурат такой толстый, хоть на тройке раскатывай. Для блеснения — самое времечко!

— А! — наконец догадались мы с Пичем. — Для блеснения-то да!

— Ну, то-то! Значит, в воскресенье к шести утра чтоб ждать у ворот. Со мной не пропадешь, окуней я из проруби достаю сколько не лень.

Аккурат в тридцать первом году я отблеснился на одном озерике, так там после меня три года рыбьего хвоста не видали. О!

Уговорились собраться у ворот к шести. На счет родителей можно было не беспокоиться: убедившись, что с настоящими рыболовами ничего плохого случиться не может, они не становились нам поперек дороги: ладно, мол, поезжайте! Разве удержишь, на то и мальчишки!

Хуже обстояло с рыболовным снаряжением. Выручил композитор Страуме, одолживший нам зимние удилица; самому все равно некогда этим заниматься. Свои, какие-то особенные блесны пообещал дать дворник.

Было еще совсем темно, когда мы воскресным утром вышли из дома. Дворник довел нас до улицы Кришьяна Барона, мы сели на второй номер трамвая — молча, как какие-то ужасные заговорщики. Велено было не спрашивать попусту, на какой остановке выходить, чтоб никто не подслушал и не выхватил у нас из-под носа самых крупных окуней; мало ли ловкачей на свете!

Примерно через полчаса мы прибыли на станцию Браса. Наш дворник сам сходил в кассу и взял три билета. Пич спросил, сколько с нас, но ответа не получил. Дворник буркнул, что, мол,

сочтемся на том свете угольками и что вообще он сегодня везет нас на свой счет, по случаю первого выхода молодых людей на зимнюю ловлю.

В вагоне электрички набралось немало рыбаков.

— Куда сами-то? — выпрашивал у соседей наш дворник.

— До Гауи, — отвечали многие.

— Это народ несерьезный! — подмигнул нам

наш начальник. — Настоящий блеснильщик больше на Лиласте катит.

Нашлись в вагоне и такие.

— А там куда ж подадитесь? — продолжал выпытывать дворник. — На Умму, небось? Либо на Дунис?

Выяснилось, что большинство держит путь на озеро Дунис. Собравшись тут и там кучками, бывалые удильщики пересказывали друг другу свои приключения. Мы с Пичем, как начинающие, помалкивали и слушали старших. Один прошлое воскресенье доверху набил ящик окунями... Другому попался красноперый горбач весом побольше килограмма...

— Это где ж это? — насторожился наш дворник. — Насупротив островка, небось?

— Нет, ближе к реке было дело.

— О! — подтвердил дворник. — Аккурат и я оттудова прошлую зиму выволок такую зверюгу, что насилу до станции допер. Старуха жарила и варила две недели сряду!

Выяснилось, что подобные чудеса пережили на Дунисе чуть не все пассажиры вагона. Лишь один молодой человек копался в своем ящичке и ничего не рассказывал.

— Сам-то небось аккурат первый раз на

лед? — удостоил его внимания наш дворник. — Какие-такие из себя ваши блесны, покажь-ка!

Молодой человек с улыбкой ответил, что нет, не совсем первый раз, и протянул специалисту свои блесны для осмотра.

Они были маленькие, угловатые, сделанные из меди.

— Неужто он и такую берет? — удивился дворник. — За моими блеснами окунь аккурат шагов сто гонится, а эти... — Он сморщился и пожал плечами.

— Берет иногда, — подтвердил молодой человек скромно.

— Такую-то? Бывает, бывает... Когда на окуня жор нападет, он всякую дрянь хапает. Аккурат в тридцать девятом году блеснил я на Дунисе; только хотел с проруби снег счерпать — ну, никак! Не подпускают руку к воде и шабаш, нороят, сукины дети, пальцы отгрызть. Сам-то к реке, что ли, удариться задумал? — опять обратился наш вожак к молчаливому юноше.

— Надо попробовать.

— Ну и давай, пристраивайся к нам. У меня уж тут есть два таких ученичка. Пусть приглядятся, что к чему. Зелены еще!

Мы и вправду были еще зелены и потому молчали, разинув рты. Учитель наш, судя по всему,

был рыболовом наивысшего класса. Таких громадных окуней и в таком количестве, как он, не ловил, наверно, никто. Во всяком случае, другие рассказчики намного уступали ему.

— Первое дело — блесной поиграть, — обучал он нас. — Как я ее кверху поддерну, окунь еще ничего. Поболтаю из стороны в сторону — он зыркает; а как начну аккуратно так на месте: «лик, лик, лик,» — ну и налетел! Тут только и знай, тащи. Ты, главное, на меня гляди! — Он похлопал молодого человека по плечу. — Я еще с пятнадцатого года все больше на льду орудую...

Наконец, прибыли в Лиласте, и все любители подледного лова высypали из вагона. Некоторые еще перед тем закурили, считая, что спешить некуда, — настоящий клев начнется не раньше часов одиннадцати, другие, напротив, припустились по дороге к озеру чуть не вприпрыжку, чтоб захватить самые лучшие места.

К нашему с Пичем удовольствию, давешний молодой человек не отставал от дворника ни на шаг. Наверно, смекнул, кто тут главный специалист, вот и пристроился к нему поближе.

— Толково, — подмигнул мне Пич. — Все-таки не одни мы тут первозимники будем.

Наш дворник держался в центре большой кучки удильщиков. Вперед не забегал, но и

отставать не хотел: надо же хорошенько высмотреть, куда ринутся передние.

До озера было недалеко, километра три, если не больше. Когда мы спустились на лед, сердце у меня так и прыгало в груди. Это переживает, наверно, каждый рыболов, когда чует близкую поживу. Хотелось немедленно прорубить лунку и забросить блесну, но дворник все шагал и шагал вперед: мол, там, на другой стороне, окуни в пять раз крупнее, с лошадиными зубищами, а тут — не стоит и пачкаться!

Молодой человек (при дневном свете он вовсе не казался таким уж молодым) расположился у зарослей камыша.

— Чего это? — удивился дворник.

— Надо попробовать...

— Здесь?

— Да.

— Здесь ничего нет, — махнул рукой великий знаток. — Мальчики, пошли!

Мы двинулись дальше. Лишь минут через пятнадцать наш начальник признал, что место подходящее и можно рубить лунки.

У нас с Пичем была на двоих одна пешня и один ящик, на который можно сесть, поэтому мы решили рубить лед и блеснить по очереди. Я взял

пешню и принялся за работу. Оказалось, что это не такое легкое дело. Лед в ту зиму намерз толстый, и даже теперь, весной, пришлось изрядно попотеть. Скоро у меня взмокли волосы, и я сдвинул ушанку на затылок.

— Так хорошо будет? — спросил я, вырубив во льду отверстие с ладонь величиной. Наш дворник поглядел и сказал, что лунки оказались больно близко одна от другой, а в общем сойдет.

И началась великая зимняя охота. Дворник и Пич сидели на ящиках и поддегивали свои блесны, чтобы окуни налетали и попадались на крючок.

— Ну как, не видать? — спросил я друга после долгого молчания.

Пич покачал головой. Я подошел к дворнику: скоро моя очередь, надо же понаблюдать, присмотреться к его искусным уловкам. Он дергал блесну вверх и в стороны, но рыба почему-то не появлялась. Я ждал, когда же он начнет делать «лик, лик, лик», но так и не дождался, видно время еще не пришло. Когда я сел на место Пича, а он взял пешню, наш дворник буркнул сердито:

— И чего колошматит все время по льду, думает, окунь — дурак, ничего не слышит!

Пич перестал рубить. И тут пришло новое распоряжение:

— Стоит на льду аккуратно, как примерзший. Взял бы в руки пешню, продолбил еще лунку-другую!

Мы долбили и блеснили, блеснили и долбили до самого полдня. Нигде время не летит так быстро, как на воде, все равно, закованной льдом или открытой.

У нас с Пичем не было еще ни единой поклевки, дворник же время от времени бросал в ящик небольшого ершика или окунька.

— Сходили бы на берег, костерчик бы развели, время обогреться, подзакусить. У меня уж полдюжины скоро наберется...

Мы с другом, правда, не озябли, но приказ есть приказ. Побежали на берег, живо наломали сухих сосновых веток и разожгли костер. Этому нас обучать не нужно.

Когда мы грелись у огня и закусывали, у наших прорубей появился молодой человек, с которым мы познакомились в поезде.

— Хе-хе! Пришел все-таки! — пробасил, торжествуя, наш дворник. — Я же сказал, что у камышей ничего нет. Блеснить надо умеючи! Есть, к примеру, у вас что-нибудь? — вдруг спросил он нас с Пичем, хотя отлично знал, что наш

ящик пуст. — То-то и оно! Зато у меня аккуратно ходуном ходят. Слышь, как здорово бьются!

Отдохнув и подкрепившись, мы снова спустились на лед. Дворник подошел к нашему знакомцу покалякать:

— Н-ну? Попался какой-нибудь окунишка?

— Да есть немного.

— Тут или в камышах?

— И в камышах, и тут. Ближе к весне окунь не очень-то разбирает.

Великий знаток вдруг понизил голос:

— Сколько ж их там аккуратно будет?

— Пол-ящика будет, — равнодушным тоном ответил молодой рыболов и вытащил из лунки большущего окуня.

Дворника точно ошпарило. Он крякнул и кинулся к ближайшей проруби. Все началось сначала.

— Ага, ага! — порой восклицал он. — Один сейчас вроде торкнулся. Ишь, как сиганул! Стой, стой, стой!.. Ах ты, дурная твоя голова! Аккурат в тридцать третьем году тоже вот так один окунишка все пробовал...

Молодой рыболов молча вытаскивал окуней и бросал в ящик. Когда пришел черед Пича садиться к лунке, я решил выяснить, что там за колдовство, почему у него клюет, а у нас нет.

— Ну, как успехи? — спросил молодой человек.

— Ничего нет, — сознался я. — Не умеем, наверно.

— Давайте я покажу.

Подойдя к Пичу и осмотрев нашу снасть, он покачал головой. Потом отвязал блесну, одолженную нам дворником, и привязал на ее место одну из своих, угловатых.

— Теперь поиграем, — сказал он, усаживаясь на наш ящик, раза два слегка поддернул удилице и передал его мне со словами: — На, тащи!

Подо льдом трепыхался на крючке красивый окунь. Вот чудо! Ведь у нас в этой же самой лунке даже ни разу не клюнуло!

— Зачем так яростно дергать, — остановил меня молодой человек. — Оставь на минутку блесну в покое!

Дальнейшие события не поддаются описанию. У рыболова, которого наш дворник собирался обучать искусству блеснения, вскоре наполнился ящик. Окуней пятнадцать он уже перекидал к нам.

— Нечистая сила! — злился дворник. — Мне аккурат ну никак не напасть на правильную прорубь!

— Разве в вашей ничего нет? — удивился молодой человек.

— Ну как есть пусто!

— Дайте-ка я попробую, — улыбнулся «ученичок» и пересел к несчастливой лунке. Три окуня вылезли на лед один за другим...

Взрослые в шутку говорят, что месть сладка. Наверно, оно так и есть, потому что дворник дорого поплатился за свое хвастовство. Молодой человек, не говоря ни слова, подходил вслед за ним к «пустым» лункам, покинутым великим блеснильщиком, и вытаскивал оттуда рыбину за рыбиной.

Порой удача выпадала и на нашу с Пичем долю. Блесна, которую в поезде так беспощадно раскритиковал дворник, определенно пришлась окуням по вкусу...

Вечером мы вывалили всю добычу на лед, чтоб взглянуть, кто сколько наловил. Наш новый знакомый искоса наблюдал за мрачно попыхивавшим трубкой дворником, потом выбрал несколько окуней покрупнее и отдал их незадачливому ветерану: мол, на уху, в крайности, хватит, а уж две недели варить и жарить на этот раз, пожалуй, не придется.

Дворник сперва не хотел принимать подарок, но молодой человек настаивал.

— Ничего, ничего, — сказал он. — Унывать

не стоит. Со временем научитесь. Кое-какая сноровка у вас есть...

Молча выбрались на дорогу. Мы трое направлялись опять к станции Лиласте, а наш четвертый товарищ сказал, что остановит какую-нибудь машину и доедет до города.

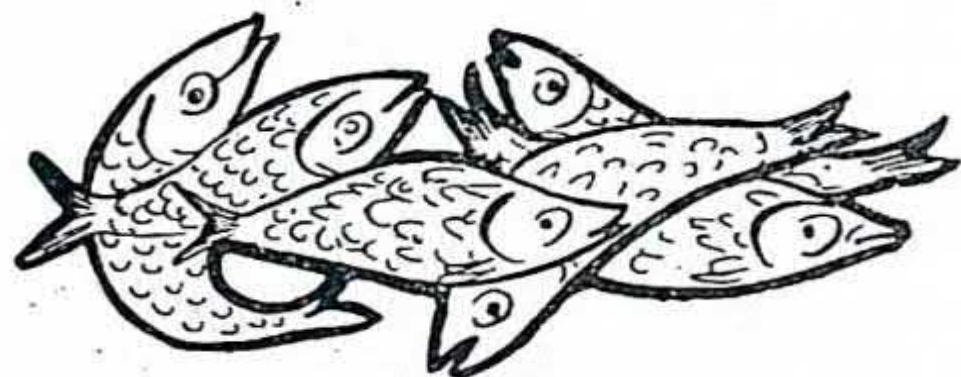
— Эту блесну оставьте себе, — прощаясь, сказал он нам с Пичем. Потом пожал дворнику руку и поблагодарил за компанию.

Мы разошлись в разные стороны. У меня было такое чувство, будто я только что встретил хорошего друга и опять расстаюсь с ним. Я обернулся и крикнул:

— До свидания!

Он улыбнулся, помахал рукой и, как истинный рыболов, ответил:

— Еще встретимся!

СОДЕРЖАНИЕ

Попался на удочку	5
Лиха беда начало	21
Приключение со спиннингом	40
Тайна Бездонного озера	50
Вода со всех сторон	61
Рыболов никогда не врет	74
Хвастать — не косить, спина не болит	81

Саулит, Бруно Рейнович
ПОПАЛСЯ НА УДОЧКУ

Редактор *А. Соломонов*
Худ. редактор *И. Звагузис*
Оформление художницы *М. Рамане*
Техн. редактор *А. Эренштейн*
Корректор *Л. Прохорова*

Сдано в набор 2 октября 1959 г. Подписано
к печати 18 марта 1960 г. Формат бумаги
70×108/32, 3,0 физ. печ. л., 2,05 усл. печ. л.,
2,75 уч. изд. л. Тираж 30 000. Цена 2 р. 50 к.

Латвийское государственное издательство,
г. Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. зак.
№ 12480/Д1256. Отпечатано в типографии
№ 2 Управления полиграфической промыш-
ленности Министерства культуры Латвий-
ской ССР, г. Рига, ул. Дзирнаву, 57.
Заказ № 3841.

L2

